

ЭМАНСИПАЦИЯ РОБОТОВ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В КОНСТРУКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Гринь С.Н.¹

Данная статья представляет собой попытку с помощью мысленных экспериментов выявить предпосылки для появления новых субъектов права, вызванных к жизни научно-техническим прогрессом. Анализируя историю наделения тех или иных лиц правосубъектностью и рассматривая современные теории субъекта права и субъекта в философском смысле, автор определяет аргументы в пользу и против признания правового статуса за социальными и военными роботами, а также рассуждает о потенциальной эмансипации «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

Искусственный интеллект, субъект права, субъектность, роботы, юридическая ответственность, интеллектуальные агенты.

«Вещи в седле и погоняют человечество.

Есть два закона разрозненных, не примирившихся:

Закон для людей и закон для вещей...»

- Ральф Уолдо Эмерсон

ВВЕДЕНИЕ

В 1942 году американский писатель-фантаст Айзек Азимов сформулировал Три закона робототехники [1], которые в рамках художественной реальности должны были стать регуляторами поведения роботов. В начале XXI века они уже не кажутся такими неправдоподобными. Предсказываемая футурологами [18] технологическая

сингулярность – гипотетическая точка невозврата НТП – может положить начало экспоненциальному росту таких феноменов, как искусственный интеллект (далее – ИИ), самовоспроизведение подобных интеллектуальных агентов, нейропротезирование и др., что актуализирует проблему восполнения пробелов в законодательстве и возникновение новых отраслей права.

¹ Гринь Светлана Николаевна – студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3. E-mail: svetnikgreen@mail.ru.

Почему именно потенциальное «робоправо» вызвало интерес автора настоящей статьи? С одной стороны, представляется важным развивать данный междисциплинарный дискурс в прикладных целях. Так, ещё в 2014 году основатель и главный инженер SpaceX, генеральный директор Tesla Motors И. Маск, затронув проблему опасности искусственного интеллекта для человечества, заявил: «Если машины запрограммированы на рекурсивное самоулучшение, их функции могут оказать на нас пагубное влияние. Скажем, если задачей машины является избавление от почтового спама, она может решить, что гораздо легче избавиться от людей» [7]. Иными словами, лучше предвосхитить некоторые правовые и этические проблемы, так как по сравнению даже с киберправом, призванным, например, создавать механизмы против киберпреступности, потенциальный «сильный» ИИ может представлять более значительную угрозу для человечества.

С другой стороны, данный дискурс поднимает проблему возникновения новых субъектов в правовой реальности. Причём это стало бы беспрецедентным случаем, так как поныне государственная воля лишь признавала права уже существующих субъектов. Наделение же правосубъектностью носителей ИИ сопоставимо, например, с правовым признанием прибывшей на Землю делегацией инопланетных гостей. Но, в отличие от них, некоторые элементы правосубъектности роботов реальны уже в настоящее или ближайшее время. Кроме того, этот вопрос весьма рельефно высвечивает проблему субъекта права как такового, так как затрагивает подходы к понятию, а также заставляет задумываться о месте человека в системе права.

Автор настоящей статьи не рассматривает кибернетические нюансы проблемы и не берётся экстраполировать существующие правовые институты на гипотетические правовые отношения. Данная статья, скорее, представляет собой попытку выявить

предпосылки и условия появления новых субъектов права, вызванных к жизни грядущими технологическими реалиями. С помощью мысленных экспериментов автор пытается смоделировать ситуации и соответствующие юридические возможности, когда носители ИИ станут лицами *sui iuris*. Вероятно, сейчас подобные суждения кажутся трансгуманистическими химерами. Однако, как утверждает Кристофер Стоун, «вся история права указывает на то, что каждое последующее расширение прав на новую общность прежде кажется немислимимым. Мы склонны верить в то, что чьё-либо бесправие является естественным положением вещей, а не юридической конвенцией, действующей в поддержку определённого статуса-кво» [26].

ИСТОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ: ОДУШЕВЛЕННЫЕ ВЕЩИ И БЕСПРАВНЫЕ ЛЮДИ

В том, что правосубъектность зачастую отражает лишь момент официального признания лица со стороны правопорядка в качестве носителя прав и обязанностей, а субъект права не тождествен субъекту в философском смысле и приобретает характер фикции, нас убеждает экскурс в историю признания тех или иных существ (и не только существ) субъектами права.

Американский юрист Джон Чипмэн Грэй, упоминая правосубъектность храмов в Древнем Риме, писал: «Неодушевлённые вещи рассматривались как носители законных обязанностей, – я собирался добавить, в первобытные времена, но, как мы увидим, понятие это упорно сохранялось даже в наши дни. Если здесь имелась фикция, она не заключалась в том, чтобы приписать вещи истинную волю человека, но в предположении, что вещь имеет свой собственный ум. Мне кажется, однако, что часто не было никакой сознательной фикции, но была некая определённо не осознанная вера в то, что вещь действительно обладает умом и волей» [6]. Примерами могут служить так называемый «господствующий» участок как субъект сервитута, признаваемый юридическим лицом,

или выступающие ответчиками корабли в английском морском праве. Нельзя не упомянуть и т.н. «теорию фикции» – концепцию немецкого правоведа Фридриха Карла фон Савиньи, постулирующую, что юридическое лицо представляет собой искусственный субъект, который создаётся посредством фикции для условного наделения его субъективными правами и обязанностями, которые принадлежат в него входящим физическим лицам. Сама же корпорация не является мыслящим волеспособным существом, поэтому её можно считать «искусственным суррогатом» личности.

Но, как ни парадоксально, роботы ближе не к неодушевлённым предметам, а рабам в Древнем Риме – *instrumentum vocale* – вещам в юридическом смысле. Даже если мы обратимся к этимологии слова «робот», то обнаружим, что оно было образовано чешским писателем Карелом Чапеком от чешского *robot* – «каторга», «тяжёлая работа», «барщина» [11]. В 1950 году Норберт Винер, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта, предположил, что «автоматические механизмы, что бы мы ни думали по поводу тех чувств, которые они испытывают или не испытывают, являются точным экономическим эквивалентом рабского труда» [28]. Рабы, оставаясь «вещами» в правовой реальности Древнего Рима, становились участниками гражданского оборота, для чего создавались такие юридические конструкции, как *пекулий* и сделки *ex persona domini*.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Дж. Ч. Грэй, подчёркивая неравнозначность человека и субъекта в праве, писал: «В трудах по праву, как и в других работах, а также повседневной речи, «субъект» (“person”) часто синонимично человеку, но юридическое значение «субъекта» (“person”) – это носитель юридических прав и обязанностей» [25].

Заявив о «смерти субъекта» [9], Мишель Фуко задал новую парадигму,

постулирующую объективирующее воздействие структуры на субъекта, что впоследствии развивали в своих работах другие представители постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт и др.). Это характерно и для правового дискурса: в юриспруденции имеет место «систематическое и фундаментальное забвение субъекта» [23]. Постклассическая теория права, т.е. теория права, базирующаяся на онтологии и методологии постмодерна, понимает под правом не «объективированную и отчуждённую от субъекта данность, а созданную и реализуемую человеческой активностью правовую реальность» [12] и призывает «вернуть» человека в право через развенчание классического субъекта права и создание концепций «правовой идентичности», «личностной конституции» и т.д. [5]. Поэтому, говоря о потенциальных субъектах права, следует помнить о необходимости «очеловечить» нынешнюю правовую конструкцию.

ОТ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ ДИХОТОМИИ К АКТОРНО-СЕТЕВОМУ ПОДХОДУ

Обществу модерна присуще восприятие реальности, тяготеющее к метафизической дихотомии «субъект-объект». По мысли немецкого философа Мартина Хайдеггера, подобное миропонимание ведёт к позиционированию человека в качестве демиурга, а окружающей действительности как «картины мира» [10]. Французский социолог Бруно Латур предложил отказаться от данного противопоставления ввиду его условности: вещи не существуют автономно, а являются как бы продолжением человеческих тел – одушевлённые и неодушевлённые предметы образуют гибриды [19]. Так, в июне 2014 года Верховный суд США, постановив в деле Райли против Калифорнии, что сотрудники полиции не могут без ордера, искать данные по изъятому мобильному телефону, заявил, что «марсианин подумал бы, что данные девайсы являются важной особенностью анатомии человека» [20].

Акторно-сетевой подход нивелирует приоритет субъекта, акцентируя внимание

не на осознанности, а самом действии как социальном факте. Актанты – существа или предметы, совершающие действия или подвергающиеся действию – сообщаются друг с другом, образуя сети, которые, в свою очередь, формируют социальный порядок. Вещи, животные, технологии, люди, – всё это актанты без субъект-объектного деления. Как утверждает американский социолог Ирвинг Гофман, «суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция» [3], поэтому все предметы и существа, что считались в модернистской парадигме объектами, проходят «эмансипацию», выступая в социотехнических системах в качестве актантов.

В связи с этим следует вспомнить теорию социальной реальности юридического лица, которой придерживался советский цивилист Д.М. Генкин [2]. Согласно ей юридическое лицо – социальная реальность, которую правовая система наделяет правосубъектностью, не интересуясь собственно человеческим субстратом. Если соединить акторно-сетевой подход и теорию социальной реальности, то можно говорить об информационных системах, социальный факт существования которых вряд ли подлежит сомнению. Поэтому ряд исследователей предлагают правовую фикцию для «гибридов» людей и машин и, соответственно, идею «гибридной» юридической ответственности [17].

КОНЦЕПЦИИ «СИЛЬНОГО» И «СЛАБОГО» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Уточнение дефиниции искусственного интеллекта само по себе представляет собой научную проблему. Джон Маккарти, автор термина, утверждает исходную неоднозначность этого понятия: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная

составляющая способности достигать целей в мире» [21].

В философии искусственного интеллекта и нейронауках принято подразделять ИИ на «слабый» и «сильный». «Слабый» ИИ может быть запрограммирован таким образом, что может демонстрировать интеллектуальное поведение. В свою очередь, гипотетический «сильный» ИИ, в отличие от «слабого», сможет принимать решения в условиях неопределенности, планировать, обучаться, общаться на естественном языке, обладать самосознанием и сопереживать. Не имитировать, а реально воспроизводить мыслительную деятельность. Проблема заключается не только в том, возможно ли создать «сильный» ИИ, но и в том, какие операции относятся к человеческому интеллекту и какова их природа.

Иллюстрацией данной дихотомии являются два эксперимента, известные как Тест Алана Тьюринга [27] и «Китайская комната» Джона Сёрла [24]. Первый эмпирический тест заключается в том, что человек, взаимодействуя с одним компьютером и одним человеком, на основании их ответов должен определить, с кем он разговаривает – с человеком или программой. Задача ИИ – ввести экзаменатора в заблуждение. Тем не менее, предложенный Дж. Сёрлом мысленный эксперимент заставляет усомниться в корреляции между успешным выполнением теста Тьюринга и когнитивным потенциалом компьютера. Человек, не знающий китайский язык, но получивший алгоритм ответов на вопросы, может давать релевантные ответы, не вдаваясь в значение иероглифов. Именно с не знающим китайский язык, но верно отвечающим человеком можно соотнести «слабый» искусственный интеллект.

Помимо указанной дифференциации на «сильный» и «слабый», ИИ существуют и другие подходы к классификации. Но настоящая статья оперирует данной дихотомией, так как именно она позволяет оценить, следует ли наделять правосубъектностью носителя ИИ и на каких основаниях.

ПРАВА СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ

В настоящее время устойчивым является дискурс о правах животных. Когда мы говорим о правах животных, следует уточнить, какой подход мы выбираем. Если утилитаристский подход в качестве цели дарования животным прав позиционирует минимизацию их страданий, т.е. судит об этичности поступков по их последствиям, то в деонтологической парадигме действие признаётся моральным или аморальным как таковое. Сторонники второго подхода руководствуются следующим изречением немецкого философа Иммануила Канта: «Жестокость к животным противоречит обязательству человека к самому себе, потому что убивает в нём сочувствие к чужим страданиям, которое очень полезно в отношениях с другими людьми» [14]. Если мы придерживаемся деонтологической парадигмы, то можно отметить сходство в логике наделения животных и роботов: их объединяет то, что эти права даруются людьми для самих же людей.

Предполагая возможным признание за животными прав, мы, прежде всего, подразумеваем высших млекопитающих, так как эмоционально восприимчивы к их страданиям. Но что насчёт убийства кровососущего комара? Тут всё не так однозначно. Это относится и к «освобождению машин»: пусть антропоморфный робот по сути не отличается от тостера, но издевательства над бездушной, но человекоподобной машиной представляют угрозу для этики людей. Так, например, в эксперименте, проведенном для радишоу Radiolab в 2011 году, дети, различающие одушевлённые и неодушевлённые предметы, перестали держать вверх ногами робота Furby вскоре за хомяком, хотя продолжали удерживать таким образом куклу Барби в течение всего эксперимента. Таким образом, если мы выбираем не утилитаристскую, а деонтологическую парадигму, то ключевым критерием признания кого-либо или чего-либо субъектом права будет не возможность причинения страданий этим квазисубъектам, а формирование эмоциональных связей с

ними в человеческом сознании и важность регулирования данных отношений для человеческих ценностей.

Некоторые исследования подтверждают корреляцию между случаями жестокого обращения с животными и преступлениями против детей. Поэтому, вероятно, социальные роботы, т.е. автономные антропоморфные устройства, предназначенные для социальных целей (например, роботы-няни), потребуют юридической защиты. Если развивать мысленные эксперименты, то потенциальными проблемами робоэтики и «робоправа» представляются: распространение трудовых норм на подобных «киберработников», допустимость создания специальных роботов как альтернатива проституции, делегирование машинам задач, требующим принятия морально-волевых решений и т.д. Но пока речь идёт лишь о возможности возникновения общественных движений, аналогичных объединениям, ратующим за «освобождение» животных.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННЫХ РОБОТОВ

Большинство юридических коллизий могут быть обусловлены открытым исходным кодом автоматизированных систем. С закрытым кодом робот представляет собой опасность, сопоставимую с любой утварью, то есть он однозначно является объектом, предназначенным для конкретной задачи. В инструкции для кухонного ножа указано, как нарезать им овощи, но альтернативное использование этого инструмента влечёт юридические последствия только для пользователя, а не производителя и, тем более, самого ножа. Устройства с открытым исходным кодом могут иметь много авторов, поэтому важно предоставить их производителям иммунитет. Здесь может быть использована аналогия закона: мы не можем засудить Марка Цукерберга за чей-то оскорбляющий пост на просторах Facebook.

И нож, и боевой робот представляют собой инструменты, используемые как оружие. Но, в отличие от ножа, военный дрон не

просто инструмент, а автономная самообучающаяся система. В соответствии с принципами международного гуманитарного права солдат должен отличать военные цели от гражданских, оценивать пропорциональность использования оружия, то есть уметь предвидеть и не допустить возможность превышения вреда гражданским лицам ожидаемому эффекту от его военного применения, а также осознавать, может ли вражеский солдат оказать сопротивление, или в применении оружия уже нет необходимости. Маловероятно, что боевой робот будет компетентен в разрешении этических дилемм. По мнению некоторых исследователей, техника и право должны содействовать друг другу в данном вопросе, поэтому, вероятно, нормы международного гуманитарного права будут инкорпорированы в программное обеспечение подобных роботов [13]. Но, если это и произойдёт, то вряд ли даже такая машина сможет избежать ошибок, а это породит проблему ответственности за действия робота.

Как уже упоминалось выше, инженер по программному обеспечению, пользователь в лице офицера или солдата также может избежать наказания, если робот достаточно автономен. Поэтому не исключено, что однажды ответственным будет признан сам робот-убийца. Тем не менее, признание деликтоспособности боевых роботов сложно реализовать в виде реальных санкций, как и в случае с применением мер уголовной ответственности к юридическим лицам. Возможно, таким «наказанием» станет репрограммирование или уничтожение. В связи с тем, что эта проблема пока видится неразрешимой, предлагается отказаться от использования роботов-убийц (например, к этому призывает «Campaign to Stop Killer Robots»), однако программы военной робототехники разрабатываются или реализуются уже в 43 странах мира [4].

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы правосубъектности «сильного» ИИ, хотелось бы подчеркнуть, что приведённые выше сценарии, когда правовое

регулирование может быть целесообразным (признание прав за социальными роботами по этическим причинам, наделение боевых роботов деликтоспособностью в соответствии с принципами международного гуманитарного права), требуют создание правовых фикций и зависят от воли законодателя. Будет ли это реализовано в виде кодификационного нормотворчества или пока достаточно аналогии закона *ad hoc*? Пожалуй, следует вспомнить сформулированное судьёй Фрэнком Истербруком «лошадиное право»: на вопрос о становлении киберправа он ответил, что «... единый закон будет таким же поверхностным и излишним, каким был бы закон, унифицирующий нормы о лицензировании гоночных лошадей, случаях нападения лошадей на людей и продаже лошадей» [15].

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НОСИТЕЛЕЙ «СИЛЬНОГО» ИИ

Совершенно иной пласт понятия «субъект права» затрагивает потенциальный «сильный» ИИ, ведь в данном случае человек утратит не только монополию на правосубъектность, но и познание. Если в описанных выше сценариях мы даруем права устройствам, которые даже не оценят значение этой революционной правовой меры, то остаётся вопросом, кто кого должен признавать в случае «сильного» ИИ. Испокон веков, ещё задолго до концепта «восстания машин» человек испытывал, пусть и бессознательно, страх перед тем, кто мог посягнуть на эксклюзивность его как субъекта. Будь то мифический колосс Талос, Франкенштейн или Голем. Идею утраты уникальности выразил в эссе «Жуткое» австрийский психолог Зигмунд Фрейд, предположив, что автомат Олимпия могла быть символическим двойником главного героя «Песочного человека» Э.Т.А. Гофмана [8]. Отсюда, по-видимому, проистекает и описанный японским учёным-робототехником Масахито Мори эффект «зловещей долины» – психологический феномен неприязни человеком излишне антропоморфного робота или иного объекта [22].

Представим ситуацию, когда носители ИИ достигли такого уровня когнитивных способностей, что правовые системы не могут не признать за ними избирательных прав, права собственности, авторского права и т.д. Фактически тогда произойдёт освобождение этих интеллектуальных агентов, которое не будет радикально отличаться от эмансипации темнокожего населения США или женщин. Американский правовед Лоуренс Солум приводит три довода тех, кто отрицает возможность обретения «сильным» ИИ правового статуса личности [25]. Во-первых, это группа т.н. 'missing-something' аргументов, т.е. отказ в правах по причине отсутствия у ИИ самосознания, интенциональности, души и т.д. В ответ можно усомниться в том, что выше перечисленное присуще человеку, что отсылает нас уже не к праву, а когнитивным исследованиям, так как право не оперирует данными категориями, если вспомнить индивидов в вегетативном состоянии, остающихся, тем не менее, субъектами права.

Во-вторых, против признания правового статуса личности «сильного» ИИ выступает локковская трудовая теория собственности, в соответствии с которой потенциальные носители искусственного интеллекта должны находиться в собственности своих создателей. Но что мешает этим механическим рабам стать эмансипированными? Ведь формально римские рабы тоже считались лишь «говорящими орудиями».

В-третьих, аргументом противников является небиологическая природа ИИ. В качестве контраргумента попытаемся смоделировать следующий кейс. Если у человека есть имплантат, это обстоятельство, очевидно, не является основанием умаления его правоспособности. Но если индивид состоит на 99% из синтетических суррогатов, сохраняет ли он свой правовой статус? Де-факто это «существо» будет уже сопоставимо с интеллектуальной матрицей, на которую записано сознание человека. Это уже будет некий искусственный субъект, хотя его первоначальная природа имела естественный характер, что

вновь ставит вопрос о юридической дефиниции человека. Пожалуй, данные аргументы отдают некоторым биологическим шовинизмом, а разработке иных критериев, возможно, должны быть посвящены отдельные исследования на стыке когнитивистики и философии права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, представляется, что гипотетическая проблема места носителей искусственного интеллекта в правовой реальности имеет амбивалентный характер: следует говорить о «законе для вещей» и «законе для людей», если цитировать эпиграф. Иными словами, сама конструкция субъекта права, по-видимому, распадается на два пласта: правовую фикцию, используемую на усмотрение законодателя как для живых, так и неодушевлённых акторов, и статус, совпадающий с субъектностью в философском смысле. Возможно, как уже упоминалось выше, во втором случае целесообразнее употреблять иное понятие (например, «правовая личность»).

В первом случае нас не интересуют де-факто ни когнитивные способности, ни страдания потенциальных субъектов – их правосубъектность конвенциональна и «даруема» законодателем в целях, например, признания беспилотных автомобилей застрахованными лицами или дронов-«курьеров» агентами. Каковы критерии наделения их правосубъектностью? Социальные роботы могут стать субъектами права по этическим причинам. Интеллектуальные агенты могут стать субъектами права для снижения издержек и упрощения операций. Деликтоспособность военных роботов может стать необходимым правовым механизмом, исходя из принципов международного гуманитарного права. Очевидно лишь, что независимо от цели, будь то упрощение электронной коммерции или защита человеческой этики, новоиспечённые субъекты права могут не быть ими в гносеологическом смысле. Поэтому этот сценарий вполне реален даже в недалёком будущем.

Вторая проблема затрагивает более фундаментальные пласты философии права и философии сознания: что такое самосознание и интеллект и какое значение они имеют для правосубъектности? Что произойдет при утрате человеком монополии на субъектность как таковую и возможно ли «возвращение субъекта» как в правовой, так и общеправовой философский дискурс? Междисциплинарные исследования, использующие как концепции философии права, так и достижения когнитивистики, могут прийти к новой парадигме в понимании субъекта права. Возможно, такие «квазисубъекты», как носители «сильного» ИИ, наряду с людьми с диссоциативным расстройством личности и эмбрионами, позволят понять, какое место в праве занимают идентичность и личностные характеристики, что важно для дальнейшей разработки таких понятий, как «правовой человек» и «личностная конституция». Относительно же эмансипации ИИ, вероятно, вообще не вполне корректно говорить о даровании прав и свобод «сильному» искусственному интеллекту, так как, если бы он существовал, автором настоящей статьи мог бы быть он.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов А. Хоровод. – Электронная библиотека Royallib.com [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/read/azimov_ayzek/horovod.html#0 (Дата обращения: 30.05.2016).
2. Генкин Д.М. Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 91-96.
3. Ерофеева М.А. Релятивистская программа в социологии: от повседневности к новой онтологии социального // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 134-137.
4. Лахути Н. Правовые вопросы ближайшего будущего // Право.ру – 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.ru/review/view/94866/> (Дата обращения: 05.06.2016).
5. Павлов В.И. "Смерть" субъекта права, или к вопросу о необходимости разработки новой концепции "правового человека" // Философия права, Ростов-на-Дону. 2010. – № 3. С. 20-24.
6. Тиминский С. В. Может ли компьютер быть субъектом права? – Самара, 2004. С. 296. [Электронный ресурс] URL: <http://goo.gl/zamWBR> (Дата обращения: 06.06.2016).
7. Тодоров В. Искусственный интеллект рождает страхи. М.: Газета.ру, 2015. – [Электронный ресурс] – URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/07/03/6865489/AI_rises_fears.shtml (дата обращения: 06.06.2016)
8. Фрейд З. Семейный роман невротиков. М.: Азбука, 2015. 224 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: Acad, 1994. 408 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления – М.: Республика, 1993. 448 с.
11. Чапек, Карел. R.U.R. – Москва: Издательство 'Правда', 1987. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/rur.txt> (Дата обращения: 30.05.2016).
12. Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание. Краснодар: Краснодарский ун-т. МВД России, 2010. 240 с.
13. Arkin, R. Governing Lethal Behavior in Autonomous Robots Paperback – Eugene: Chapman & Hall, 2009. 257 p.
14. Darling K. Extending Legal Protection to Social Robots: The Effects of Anthropomorphism, Empathy, and Violent Behavior Towards Robotic Objects. – We Robot Conference in University of Miami, 2012. [Электронный ресурс]

- URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2044797 (Дата обращения: 30.05.2016).
15. Easterbrook F.H. Cyberspace and the Law of the Horse(PDF). University of Chicago Legal Forum, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://goo.gl/3hVpmq> (Дата обращения: 06.06.2016).
  16. Emerson R.W. Ode, Inscribed to William H. Channing. [Электронный ресурс] URL: http://www.emersoncentral.com/poems/ode_inscribed_to_william_h_channing.htm (Дата обращения: 30.05.2016).
  17. Huttunen A. Hybrid Liability of Intelligent Systems. – The Society of Legal Scholars Edinburgh Conference, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://goo.gl/DE4VXH> (Дата обращения: 30.05.2016).
  18. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Penguin Books, 2005. 672 p.
  19. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory Oxford: Oxford University Press, 2005. 312 p.
  20. Mathews K. J. Landmark Supreme Court Ruling Protects Cell Phones from Warrantless Searches [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natlawreview.com/article/landmark-supreme-court-ruling-protects-cell-phones-warrantless-searches> (Дата обращения: 30.05.2016).
  21. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? – Palo Alto: Stanford University, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (Дата обращения: 30.05.2016).
  22. Mori, M. The uncanny valley // IEEE Robotics & Automation Magazine. 1970. № 19 (2). Pp. 98–100.
  23. Schlag P. The Problem of the Subject // Texas Law Review. 1991. № 69. Pp. 1627-1723.
  24. Searle J. Chinese Room Argument. The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Cambridge: MIT Press, 2001.
  25. Solum L. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. № 70. Pp. 1231-1287.
  26. Stone C.D. Should Trees Have Standing: Towards Legal Rights for Natural Objects Los Altos, CA: William Kaufmann, 1974. 102 p.
  27. Turing A. Computing Machinery and Intelligence// Mind. 1950. № 236. Pp. 433–460.
  28. Wiener N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society. Boston: Houghton Mifflin Co., 1950. 315 p.

ROBOTS' EMANCIPATION: ELEMENTS OF LEGAL PERSONHOOD IN THE CONSTRUCT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Grin' Svetlana - student of the Faculty of Law of the National Research University - Higher School of Economics. Address: 3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy pereulok, Moscow, 109028, Russia. E-mail: svetnikgreen@mail.ru.

This article is an attempt to identify by means of thought experiments the prerequisites for the emergence of new legal person, brought to life by scientific and technological progress. Analyzing the history of endowing individuals with legal personality and considering modern theories of the subject of law and subject in the philosophical sense, the author determines the reasons in favor of and against the recognition of the legal status of social robots, military robots, and also discusses the potential emancipation of "strong" artificial intelligence.

Key words:

Artificial intelligence, legal person, personhood, robots, legal liability, intelligent agents.